

ПРЕДИСЛОВИЕ

В XXI веке перед человечеством, как никогда, остро встала проблема выживания как вида. Миллионы людей жили и творили с иллюзорной надеждой на славное будущее, братство, равенство и справедливость, а в результате получили колониализм, войны, концлагеря, террор. Научно-технический прогресс как оборотную сторону медали подкинул нам оружие массового уничтожения и идею удаления ядерных отходов на околоземное пространство. Сегодня невозможно рассуждать о человеческом будущем и не помнить при этом о постоянно присутствующей угрозе ядерной войны, которая фатально может обернуться концом всей цивилизации. Потрясение сознания современного человека глобальными и перманентными катастрофическими последствиями мировых войн и стихийных бедствий сопровождалось разрушением его

веры в самого себя и в свою доброту, в ренессансные идеалы гуманизма. Ведь он был свидетелем многочисленных несчастий, рожденных фарисейскими идеологиями, очевидцем, если не участником кровопролитных войн народов, исповедующих и проповедующих гуманные религии. Декларируя необходимость взаимопонимания между людьми и народами, разглагольствуя о необходимости мира на Земле и охраны природы, человек вольно или невольно действует совершенно в противоположном направлении. Его поступки становятся все более агрессивными и носят явно деструктивный характер. Разум, искусственно возведенный в ранг единственно реальной психической субстанции и считающийся исключительно надежным гарантом «правильного» развития человека и его экологического и социального благополучия, сегодня становится той колоссальной тяжестью, под которой вряд ли выживет многострадальный род *homo sapiens*. В результате широкомасштабно, повсеместно в психике людей активизируется бессознательный механизм, способный регулировать трагическую ситуацию кардинальным путем разрушения созданного «разумом» миропорядка. Как в отдельности человек подчинен своей иррациональной природе, так и человечество в целом фактически не развязывает, а разрушает гордые-

ПРЕДИСЛОВИЕ

вы узлы эволюции. Надежда и даже уверенность в том, что разум своей всепроникающей силой одарит людей счастьем, а мир сделает справедливым, раз и навсегда устранив зло мировое, оказались не только иллюзией, но и опасной психической установкой. Человек, переживший две страшнейшие мировые войны, наконец вроде бы пришел к осознанию того, что зло не есть просто отсутствие добра, а суть автономная реальность человеческой природы. Объяснением тому может послужить серьезная озабоченность человека своим местом во Вселенной, хоть и имеющего в своем научном арсенале достаточно весомых завоеваний, но в принципе не способного решить вечные проблемы, стоявшие тысячелетиями перед родом человеческим. Ему необходимо разобраться во влиянии бессознательных побуждений как врожденных возможностей представлений индивидуума на динамику развития его сознания, на его жизнедеятельность в разрушающем направлении. Ведь доказательства воздействия на человека априорных идей деструктивного характера достаточно, если даже исходить исключительно из эмпирического, творчески оформленного человеком природного материала — атомной бомбы, химического, бактериологического, биологического оружия, и, конечно, из состояния экологии нашей планеты.

Вряд ли все это можно назвать результатом разумного волеизъявления человека...

С революционным открытием психоанализа как научного направления резко изменились представления о человеке, начали пересматриваться ценности тысячелетних традиций. В истории человечества, до переломного момента неопровержимого доказательства существования бессознательной компоненты психики человека, переоценка действительности происходила дважды — с момента создания Коперником гелиоцентрической системы мира и после провозглашения теории эволюции Дарвина. Ввиду объективных причин перестать чувствовать себя в центре Вселенной и смириться со своим небожественным происхождением человеку было весьма тяжело, но намного тяжелее оказалось понять и принять тот факт, что его собственные мысли и поступки порой продиктованы бессознательным миром. Иррациональное поведение человека становится значимым предметом изучения человека в философии, социологии, культурологии, психологии и других сферах гуманитарного знания. Современная цивилизация стремительно и бесповоротно преобразует природу, социальные порядки, весь жизненный уклад. Радикальность и неотвратимость происходящих в нашу эпоху перемен воспринимается

ПРЕДИСЛОВИЕ

сознанием как нечто чуждое его собственным устремлениям. Потребность в изучении феномена человека и его культуры обусловлена и разрушением экологии, оцениваемым как результат губительного культурного поведения, и здесь не обойтись без пересмотра принятых (установленных) рационалистических представлений о человеке. Необходимо учитывать также иррациональную природу человека, который далеко не всегда поступает как сознательное существо.

В период нескончаемых экологических, политических, экономических, духовных кризисов, когда рушится образ человека и мира, венец творения наконец осознает или пока только ощущает свою личную причастность к трагедийности ситуации. К познанию человека З. Фрейд в своем психоаналитическом учении подошел без уже сложившихся в философии традиционных представлений о *homo sapiens* как о «разумном животном», гуманном общественном существе, наделенном сознанием. Существенно расширились границы познания внутреннего мира человека, его места в космосе, социальных взаимоотношений между людьми, врожденной или благоприобретенной религиозности человеческого существа, культурных процессов.

Современная философская мысль пытается ответить на порой шокирующие рассудок во-

просы — о враждебности культуры изначальной человеческой природе, о социальных нормах, сковывающих природные импульсы человека. Оказывается, наши культурные и социальные завоевания в сущности были направлены против человечества и человечности как таковой. Как известно, с открытием «коллективного бессознательного» в философской мысли произошли значительные изменения в познании природы человека, его жизнедеятельности и мотивов поведения. Особое значение приобрело понятие «архетип», получившее широкое распространение во всей гуманитарной науке XX столетия. В своем развитии аналитическая психология охватила весьма значительную сферу философской проблематики, а понятие «архетипа» стало междисциплинарным и находится на стыках многих наук, таких как философия, психология, этнография, социология, политология, мифология, культурология.

Несмотря на некоторые положительные изменения в социальной сфере и невиданный прогресс науки и техники, человек не ощущает уверенности в своей судьбе. Многообещающие установки эпохи Ренессанса не привели человечество к заветным целям. Искусственно сконструированный образ человека — разумного и доброго существа, созданный рационализмом

ПРЕДИСЛОВИЕ

Просвещения, лишь усилил в человеке иррациональные и примитивные душевные импульсы. Характерный для этого времени упор на индивидуализм и рационализм привел к активизации архетипов коллективного бессознательного, способных компенсировать образовавшийся дисбаланс в душе человека. Насилие со стороны разума в качестве ответной реакции привело к появлению соответствующих бессознательных сил, направленных против него же. Примером тому могут послужить результаты Индустриальной революции, осуществившей на практике рациональные научные теории эпохи Просвещения.

Водородная бомба, как и все остальные виды оружия, является негативным результатом созидательной деятельности человека, и будет справедливым признать, что подвигли на это его собственные силы психической природы, от действия которых невозможно избавиться. Эти силы коренятся в изначальной власти инстинктов над человеком. Игнорирование существования бессознательного и является причиной сегодняшней безрадостной картины деградации общественных структур. Инстинктивное влечение к власти и агрессивность заложены глубоко в человеческой природе. Уничтожить их невозможно, однако уравнивать и сублимировать можно, что крайне необходимо человеку. Одним из способов

уравновешивания агрессивных инстинктов, по представлению К. Г. Юнга, является демократия, создающая возможность использовать агрессивную энергию людей в рамках собственных территориальных границ. Исходя из этих соображений, К. Г. Юнг замечает, что и внешнеполитических, и внутривнутриполитических конфликтов стало бы намного меньше, если люди научились бы сознательно преобразовывать (сублимировать) свою агрессивность в предмет рефлектирующего самоанализа. До тех пор, пока агрессивные побуждения остаются неосознанными, они могут провоцировать перманентные и глобальные конфликты.

Очевидно, что существует много общего между воззрениями глубинной психологии и различными философскими школами в трактовке вопросов, имеющих непосредственное отношение к пониманию специфики человеческого бытия в современном мире. Представители философского мира, так же как и сторонники психоанализа, озадачены духовным кризисом современной эпохи.

В своих трудах К. Г. Юнг часто затрагивал проблемы, стоящие перед современным человеком, утратившим способность считаться с завуалированной, но не менее жизненно важной частью действительности — коллективным

бессознательным. Ведь архетипы, лежащие в основе психики человека, имеют важное антропологическое значение, и истолкование их непосредственно связано с природой человека, его мотивациями и жизнедеятельностью в целом. Речь идет о сигналах, идущих из глубин «коллективного бессознательного», крайне необходимых для поддержания гармонии психики личности. По словам К. Г. Юнга, «современный человек всегда одинок, потому что каждый шаг к более высокой и широкой сознательности отдаляет его от изначальной, чисто анималистической *participation mystique*¹ с толпой, от погруженности в общее бессознательное»². Состояние современного человека К. Г. Юнг сравнивал с положением примитивных обществ, подвергшихся ударам цивилизации, когда теряются духовные ценности и утрачивается смысл жизни их членов, распадаются социальные организации, а сами они морально разлагаются под натиском «масскульта».

Человек перестал ощущать свое нерасторжимое, органическое единство с природой. То,

---

¹ *Participation mystique* — мистическое соучастие. Этот термин был введен Леви-Брюлем и часто был использован К. Г. Юнгом в своих трудах. Под этим термином понимается тождество, основанное на априорном единстве объекта и субъекта.

² Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994, стр. 294.

что сейчас происходит с окружающей средой, говорит только о неуважительном и унижительном отношении к природе. Пытаясь разобраться в исторических корнях современного экологического кризиса, некоторые исследователи обвиняют в антропоцентризме христианство, давшее человеку моральное право господства над природой, использования ее в своих целях (лишь францисканство в католичестве своим учением рассматривало мир природы как братский и дружественный для человека). Вначале человек выделил себя как нечто совершенно отдельное от остальной живой природы, назвав ее окружающей средой. Почувствовав способность управлять природой и подчинять ее себе, на следующем этапе человек начал планомерно уничтожать ее, тем самым еще больше отдаляясь от той системы, в которой он является всего лишь одним из компонентов. Какие бы взгляды ни казались правдоподобными в поисках причин экологической катастрофы, одно можно с уверенностью и с большой грустью сказать: от природы человек оторвался окончательно. Он одинок, связь с природой, которая кормила и одухотворяла его тысячелетиями, трагически прервана.

Перемены, происходящие в период Реформации, Просвещения, Индустриальной революции, нанесли небывалый ущерб духовной жизни

ПРЕДИСЛОВИЕ

человека, ее полноценности и гармоничности. Образовавшийся в результате непомерного возвеличивания статуса разума человека разрыв между сознанием и бессознательным привел к обнищанию человеческого духа. Миф, который тысячелетиями был для человека живой реальностью и благодаря которому его жизнь получала свое выражение, оправдание и свой целеполагающий смысл, оказался объектом критики Разума. Миф стал рассматриваться как фантастическое отражение действительности в первобытном сознании, воплощенном в фольклоре и устном предании. Характерной для идеологии данного периода оказалось утверждение, что первобытные люди пытались через мифические образы обобщить и объяснить различные явления природы и общества. Понятие мифа использовалось для обозначения различного рода иллюзорных представлений, оказывающих влияние на сознание людей. Такое представление о мифе находит поддержку и у современных исследователей этой проблематики. Вместе с тем многие ученые строили свои теории о мифе, основываясь на постулате безусловной реальности мифа. А. Ф. Лосев определил мифологию следующим образом: «Логос мифа, или осознание мифической действительности, есть мифология. Как бы ни относиться к мифологии,

всякая критика ее есть всегда только проповедь иной, новой мифологии. Миф есть конкретнейшее, реальнейшее явление сущего, без всяких вычетов и оговорок, — когда оно предстает как живая действительность»¹. О важности и значимости мифа в жизни человека говорят следующие слова этого философа и мифолога: «Миф не есть выдумка или фикция, не есть фантастический вымысел, но — логически, т. е. прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вообще.

Миф не есть бытие идеальное, но жизненно ощущаемая и творимая вещественная реальность...»²

Суждение о том, что мифические образы и представления могут быть окончательно изжиты, оказалось не более чем иллюзией. В наше время становится ясно, что древнейшие формы постижения мира продолжают существовать. Возрождение мифа в культуре, в жизни человека является характерным феноменом нашего столетия. Огромную роль в новом осмыслении мифа и его значении в жизни человека сыграло психоаналитическое учение З. Фрейда. Дальнейшее

---

¹ Лосев А. Ф. Бытие, имя, космос. М., 1993, стр. 771.

² Лосев А. Ф. Миф, число, сущность. М., 1994, стр. 71.

ПРЕДИСЛОВИЕ

более глубокое исследование мифов в аналитической психологии привело к важному открытию, что в корне изменило представление о психике человека. В мифе К. Г. Юнг находил выражение коллективного бессознательного — вместилища архетипов, унаследованное человеком с первобытных времен. Ученый пришел к выводу, что предпосылки формирования мифических образов представлены в глубинном строении психики индивида.

Мифы не изобретаются, они переживаются человеком, а мифологические мотивы, обнаруживающиеся в его фантазиях и сновидениях, передают жизненный опыт и смысл. Развитие личности человека, его сознания в определенной степени связано с внутренними, психическими и архетипическими факторами. Основной составляющей мифологии являются архетипы, органически связанные между собой, и их стадийная последовательность определяет развитие сознания индивида. В процессе онтогенетического развития сознание человека проходит те же архетипические стадии, которые определяют развитие сознания человечества в целом. В своей индивидуальной жизни каждый человек должен преодолеть тот же путь, который был пройден всем человечеством, оставив следы этого путешествия в архетипической стадий-

ной последовательности мифологических образов. В этом смысле онтогенетическое развитие может рассматриваться как модифицированное повторение филогенетического. Так, например, в универсальной мифе о герое можно проследить путь личностного формирования и развития каждого индивида.

Особое место в творческой деятельности К. Г. Юнга занимают вопросы, связанные с религией. Аналитическая психология как наука рассматривает религию не как вероучение, а как естественную форму психического выражения и связывает ее с вечным мифом. Психоанализ З. Фрейда рассматривает религию как вторичную психическую активность, возникшую в результате подавления половых инстинктов. Индивидуальная психология А. Адлера считает религию инструментом борьбы за власть, верховенство, господство. Аналитическая психология твердо стоит на позиции, согласно которой корни религии находятся в коллективном бессознательном, на изначальном уровне психики человека, из которой исходят религиозные образы и символы. Изучая архетипы и их действие в индивидуальном сознании, К. Г. Юнг приходит к выводу, что идея архетипа подразумевает внутренний образ. Коллективное воспроизведение архетипов в религиозных празднествах придает

ПРЕДИСЛОВИЕ

смысл жизни и насыщает ее эмоциями. Религиозные идеи — это плоды коллективного бессознательного, которое всегда и везде выражает себя с помощью символов. Не вдаваясь в вопросы об абсолютной реальности Бога, аналитическая психология рассматривает идеи и образы Бога как психические реальности. Человечество на каждой стадии своего развития и при разных обстоятельствах постоянно создавало божественные образы. Хотя эти образы отличались в деталях, их объединяло убедительное сходство одинаковых мотивов.

Согласно теории аналитической психологии, религия не является продуктом сознательного обдумывания и интеллектуального различения деталей, а спонтанно возникает из коллективного бессознательного. Возникающие из недр коллективного бессознательного образы становятся проявленными благодаря сознанию человека. Именно сознание человека является той сегодняшней реальностью, которая актуализирует вечные божественные образы.

К. Г. Юнг часто говорил о важности духовного, внутреннего переживания человеком божественного образа. «Христианская цивилизация показала ужасающую пустоту: она имеет внешний лоск, но внутренний человек остается незатронутым, и следовательно, неизменным. Его душа отде-

лена от его внешней веры; в душе своей христианин не идет вровень с внешним прогрессом. Да, все должно быть найдено вовне — в образе и в слове, в церкви и Библии, — но никогда внутри. Внутри, как и в древности, правят архаические верховные боги; то есть внутренняя связь с внешним Богообразом не развивается из-за недостатка психологической культуры и, следовательно, пронизана язычеством»¹.

В религиозном вопросе К. Г. Юнга даже уподобляли Юлиану-отступнику в отказе от христианских установок. Как здравомыслящий человек, врач, практическая деятельность которого проходила в стране, исповедующей христианскую религию, он понимал, что это вероучение имеет свои существенные недостатки. Наряду с войнами, крестовыми походами, колонизациями, конквистами, направленными против неединоверцев, происходили также жестокие столкновения между приверженцами различных конфессий христианского вероучения. История знает достаточно примеров этих позорных для человечества событий, одно из которых, в частности, связано с именем Екатерины Медичи, давшей распоряжение об уничтожении гугенотов. А институт инквизиции и индульгенции? Это ужасающее

---

¹ Юнг К. Г. Психология и алхимия. М., 1997, стр. 29.

явление в летописи христианства, несмываемое черное пятно в истории...

Со стороны исследователей творческой жизни ученого проходит достаточно много дискуссий вокруг вопроса об отношении аналитической психологии к философии. В самом деле, это довольно не простой вопрос. Сам К. Г. Юнг представлял свое учение не как мировоззрение, а себя отнюдь не как философа. Свидетельством тому могут послужить следующие его высказывания:

— «Аналитическая психология является не мировоззрением, а наукой, и как таковая она составляет материал или инструменты, с помощью которых человек может построить, сломать или же поправить свое мировоззрение»¹.

— «Я никогда не пренебрегал горько-сладким напитком критической философии и предусмотрительно принимал его, по крайней мере, в *refracta dosi* (малой дозе)»².

— «Я не философ, а всего лишь эмпирик, и во всех сложных вопросах я склонен принимать решение, исходя из опыта»³.

Усматривая психологию как научную дисциплину, К. Г. Юнг считал, что она не должна позво-

---

¹ Проблемы души нашего времени. Стр. 240.

² Там же. Стр. 64.

³ Там же. Стр. 272.

лить себе основываться на таких философских предпосылках, как материализм или рационализм, а в психологических вопросах необходимо действовать только феноменологически, оставив всякую предвзятость.

К. Г. Юнг считал, что психические феномены являются такими же реальными в своей собственной действительности, как и физические объекты — в своей.

Величайшая заслуга К. Г. Юнга, наряду с З. Фрейдом и А. Адлером, заключалась в том, что они в своей практической врачебной деятельности опытным путем смогли утвердить гипотезы, философские спекуляции и воззрения многих мыслителей.

Этот сборник является итоговым результатом десятилетнего труда. С самых первых моментов моего ознакомления с трудами К. Г. Юнга его высказывания, весь строй его мыслей производили на меня глубокое впечатление своей открытостью и духовной мудростью. Для меня они не были подобны максима́м и философским афоризмам других мыслителей, порой пафосного, нравоучительного, романтического характера. Труды К. Г. Юнга, в особенности его изречения, как квинтэссенция его мировоззрения, рассеивали туман неведения, в котором пребывают

ПРЕДИСЛОВИЕ

многие люди до того момента своей жизни, когда человек начинает познавать себя, смотреть на себя со стороны, анализировать и при необходимости критиковать свои слова и поступки, переставать видеть в окружающих врагов и виновных в своих неудачах. Это тяжелейший, благородный, но не всегда благодарный труд, вероятно длящийся на протяжении всей человеческой жизни. К. Г. Юнг предостерегал: «Идущий к самому себе рискует с самим собой встретиться»; «Встреча с самим собой принадлежит к самым неприятным».

Собрав и систематизировав изречения К. Г. Юнга из почти всех его произведений, я решился представить их в виде книги. Ознакомившись с ней, полагаю, можно будет составить представление о мировоззрении К. Г. Юнга, однако понять степень его величия как ученого, его вклад в мировую практическую и философскую мысль возможно, лишь прочитав труды целиком. Они поражают оригинальностью, глубиной и масштабностью мышления, эрудированностью ученого.

Путь к себе, как правило, сопровождается мощным потрясением, «душевым ураганом», глубокой перестройкой сознания. Хотелось бы надеяться, что труды одного из величайших мыс-

лителей современности – Карла Густава Юнга помогут человеку прислушаться к самому себе, разобраться в себе, научиться распознавать и принимать свою тень, смирить свою гордыню. Люди глубоко заблуждаются, полагая, что им все позволено, что они могут обидеть, оскорбить человека, унижить животное и осквернить природу и остаться при этом безнаказанными со стороны своей собственной совести!

РЕЛИГИЯ, ВЕРА, ЦЕРКОВЬ

1 Личность, корни которой не уходят в Бога, не может самостоятельно сопротивляться физическим и нравственным соблазнам этого мира. Для этого ей нужно внутреннее, трансцендентальное ощущение, которое только и может защитить ее от неизбежного растворения в массе. (23, 67)

2 Мы верим, что мы можем высказывать суждения о Боге, давать ему определения, формировать о нем мнение, отличать его как единственно верного от всех прочих богов. Думается, настала пора начать понимать, что, когда мы говорим о Боге или о богах, мы говорим о спорных образах из психοидного царства. (2, 588)

3 Там, где не признают Бога, рождается мания эгоизма, а мания превращается в болезнь. (14, 194)

4 Истинная человечность есть крайняя отдаленность и отличенность от Бога. (16, 293)

5 В своем человеческом инобытии Бог настолько далек от самого себя, что вынужден с предельной самоотдачей снова искать самого себя. (16, 293)

6 Две мировые религии, буддизм и христианство, каждая по-своему, отвели человеку центральное место, а христианство развило эту тенденцию созданием доктрины о том, что Бог стал не кем иным, как человеком. Никакая психология в мире не может соперничать с достоинством, которым наделил человека сам Бог. (2, 589)

7 Объявлять бога абсолютным означает то же, что ставить его вне всякой связи с человеком. Человек не может воздействовать на него, и он не может воздействовать на человека. Такой бог был бы совершенно незначительной вещью. Таким образом, оправданно было говорить лишь о боге, который соотносится с человеком, как и человек — с богом. Христианское представ-

ление о боге как «отце небесном» превосходно выражает относительность бога. Совершенно не считаясь с тем фактом, что человек может составить себе представление о боге не больше, чем муравей — о содержимом Британского музея, страстное желание объявить бога «абсолютным» возникает только из опасения, что бог может превратиться в «психологического». Это, конечно, было бы рискованно. Зато абсолютный бог вообще нас не касается, в то время как «психологический» бог был бы *реальным*. Такой бог мог бы достать до человека. У церкви, кажется, есть магическое средство избавить человека от такой возможности, ибо говорится ведь, что «страшно попасть в руки Бога живого». (19, 309)

8 Религиозный человек должен был бы свыкнуться с мыслью, что не является монархическим владыкой в своем доме, что решает все-таки не он сам, а Бог. Но много ли осталось тех, кто готов на деле положиться на волю Божию, кто не придет в смущение, объясняя ею свое решение? (3, 154)

9 Мне представляется по меньшей мере весьма маловероятным, что когда человек говорит «Бог», то результатом этого является существование именно такого Бога, каким он его

воображает, или что этот человек обязательно говорит о реальном существе. В любом случае он никогда не сможет доказать, что в метафизическом мире существует нечто, соответствующее его утверждениям, точно так же как никто не сможет доказать ему, что это не так. Таким образом, это в лучшем случае вопрос *non liqet* (*требует выяснения*), и при этих обстоятельствах, а также принимая во внимание ограниченность человеческого знания, мне представляется разумным с самого начала предположить, что наши метафизические концепции являются просто антропоморфными образами и представлениями, которые либо вообще не выражают трансцендентальные факты, либо выражают их крайне гипотетически. И в самом деле, мы уже знаем, что даже окружающий нас физический мир не обязательно точно совпадает с нашим его восприятием. (2, 584)

10 Дело в том, что понятие бога в конечном счете является необходимой психологической функцией, иррациональной по своей природе, *которая вообще не имеет ничего общего с вопросом о существовании Бога*, потому что на этот последний вопрос человеческий интеллект никогда не мог дать ответа. Но еще менее он был способен дать хоть какое-нибудь доказа-

тельство Бога. Сверх того, такое доказательство также излишне; идея о какой-то сверхмогущественной божественной сущности наличествует повсеместно, пусть даже не сознательно, а бессознательно, потому что она есть архетип. Ибо что-то есть в нашей душе от верховной силы, и если это не осознанный Бог, то по крайней мере это «чрево», как говорит ап. Павел. Я считаю поэтому, что куда как мудрее осознанно признать идею Бога; ведь в противном случае богом просто станет что-то другое, и, как правило, что-нибудь очень недалекое и глупое, что бы там ни понапридумывало «просвещенное» сознание. (5, 301)

11 Физический мир и мир воспринятый — это две очень разные вещи. Знание этого никак не способствует нашей уверенности в том, что наша метафизическая картина мира соответствует трансцендентальной реальности. Более того, сделанные о последнем заявления настолько разнообразны, что, как бы мы ни старались, нам не понять, кто прав. Организованные религии поняли это уже давно, и потому каждая из них утверждает, что она является единственно верной и, в довершение всего, что она является не просто человеческой истиной, а истиной, открытой непосредственно Богом.

Каждый теолог говорит просто о «Бог», стараясь, чтобы все поняли, что его «бог» и есть тот *единственный, настоящий* Бог. Но один говорит о парадоксальном Боге из Ветхого Завета, другой о воплощенном боге любви, третий о Боге, у которого есть божественная невеста, и так далее, и каждый критикует другого, но никогда не себя. (2, 584)

12 Истоком действительной веры является не сознание, а спонтанный религиозный опыт, в котором переплетаются чувства верующего и его непосредственная связь с Богом. Тем самым возникает вопрос: есть ли у меня вообще религиозный опыт и прямая связь с Богом, а потому и уверенность в том, что для меня есть спасение от растворения в массе? (3, 155)

13 Наш интеллект уже с давних пор знает, что нельзя правильно помыслить Бога, не говоря о том, чтобы представить себе его существование и то, как Он действительно существует. Существование Бога раз и навсегда остается вопросом, на который нельзя ответить. Однако *consensus gentium* (согласие народов) говорит о Божественном со времен Эона и будет говорить об этом до скончания веков. (5, 301)

14 Богов, к которым мы могли бы обратиться за помощью, больше нет. Великие религии мира страдают от растущей анемии, потому что боги-покровители бежали из лесов, рек, гор, животных, а богочеловеки скрылись под землей в бессознательном. Мы дурачим себя, считая, что они ведут постыдное существование среди пережитков нашего прошлого. Нашей сегодняшней жизнью владеет Богиня Разума, наша величайшая и самая трагическая иллюзия. Мы уверяем себя, что с помощью разума «завоевали природу». (26, 114)

15 Несмотря на все заверения в обратном, Христос является не объединяющим фактором, а рассекающим «мечом», который отделяет духовного человека от физического. Алхимики, которые в отличие от некоторых наших современников были достаточно мудры, чтобы заметить необходимость и уместность дальнейшего развития сознания, крепко держались за свои христианские убеждения и не сползали на более бессознательный уровень. Они не могли и не стали бы отрицать истинность христианства, по причине чего неверно было бы обвинять их в ереси. Напротив, они хотели «реализовать» присутствующее в идее Бога единство, пытаясь соединить *unio mentalis* с телом. (2, 577)

16 Согласно христианскому воззрению Бог есть любовь. Если бы не знать, что за огромное значение имела и имеет религия, то смешным показалась бы эта странная игра с самим собой. В этом должно заключаться нечто, что не только вовсе не смешно, но в высшей степени целесообразно. Носить бога в себе означает очень многое: это служит ручательством счастья, власти, всемогущества, поскольку этими атрибутами наделяется божество. Носить бога в себе означает почти то же, что быть самому богом. В христианстве, где правда по возможности вытравлены грубочувственные представления и символы (что является, по-видимому, продолжением символической бедности иудейского культа), можно отыскать явные следы этой психологии. (12, 98)

17 Искупление, как я уже указывал, лежит только в полном признании своей вины. *Mea culpa, tua maxima culpa!* («Моя вина, моя большая вина»). В искреннем раскаянии обретают божественное милосердие. Это не только религиозная, но и психологическая истина. (3, 195)

18 ...религии должны все вновь напоминать о происхождении и об изначальном характере духа — чтобы человек никогда не забывал,

что он втягивает в свою сферу и чем он наполняет свое сознание. Ведь не он сам сотворил дух, но дух делает так, что человек творит; он дает ему импульс и счастливое наитие, упорство, воодушевление и инспирацию. Но он так проникает в природу человека, что тот оказывается перед сильнейшим искушением думать, будто он сам и есть создатель духа и будто *он* его имеет. В действительности же прафеномен духа завладевает человеком, и притом точно так, как физический мир, будучи якобы услужливым объектом человеческих умыслов, на самом деле налагает на свободу человека тысячи оков и становится навязчивой идеей. Дух грозит наивному человеку инфляцией, чему наше время дает поучительнейшие примеры. Опасность тем больше, чем сильнее внешний объект приковывает к себе интерес и чем сильнее забывают, что рука об руку с усложнением наших отношений к природе должно идти таковое же наших отношений к духу, чтобы создать необходимое равновесие. (7, 207)

19 Религии являются великими системами, исцеляющими болезни души. Неврозы и подобные им заболевания возникают под воздействием психических сложностей. Но если какая-то догма обсуждается и ставится под сомнение, она утрачивает свою целительную

силу. Человек, который больше не верит, что Бог, познавший страдание, сжалится над ним, поможет и успокоит его, придаст смысл его жизни, слаб — он становится добычей своей слабости, превращается в невротика. Бесчисленные патологические элементы среди населения являются одним из наиболее мощных факторов, подкрепляющих психологические тенденции нашего времени. (11, 256)

20 Древние религии с их возвышенными и смешными, добрыми и жестокими символами ведь не с неба упали, а возникли из той же человеческой души, которая живет в нас и сейчас. Все эти вещи в их праформах живут в нас и в любое время могут с разрушительной силой на нас обрушиться — в виде массовых суггестий, против которых беззащитен отдельный человек. Наши страшные боги сменили лишь имена — теперь они рифмуются на «-изм». Или, может быть, кто-то осмелится утверждать, будто мировая война или большевизм были остроумным изобретением? (19, 273)

21 Смысл религии заключается в том, что человек полагается на иррациональные факты и подчиняется им. Эти факты не относятся напрямую к социальным и физическим условиям;

в гораздо большей степени они касаются психической позиции индивида. Но занять какую-либо позицию по отношению к внешним условиям можно только в том случае, если за пределами этих условий существует некая контрольная точка. Религия предоставляет (или претендует на это) такую точку, тем самым давая индивиду возможность высказывать суждение и принимать решение. Она создает резерв против реальной и неотвратимой силы обстоятельств, перед которой беззащитен любой человек, живущий только во внешнем мире и не имеющий никакой другой «почвы» под ногами, кроме тротуара. Если кроме статистической реальности не существует никакой другой, то тогда сила, авторитет, власть тоже существуют в единственном числе. Значит, существует только одно условие, а раз никакого противоположного условия нет, то суждение и решение являются не только излишними, но и невозможными. Тогда индивид просто не может не стать статистической единицей и, значит, «клеточкой» Государства или любого другого абстрактного принципа порядка. (23, 65)

22 Как это ни странно, парадокс является одной из наших величайших духовных ценностей, тогда как единство мнений есть признак слабости. Поэтому религия становится

внутренне обедненной, если теряет или смягчает свои парадоксы; но их приумножение обогащает, потому что только парадокс ведет к максимально верному пониманию полноты жизни. Отсутствие неясности и противоречий односторонне и потому непригодно для выражения непостижимого. (20, 33)

23 ...религиозный миф — одно из величайших и значительнейших созданий человечества, которое, хотя и обманчивыми символами, однако все же дает человеку уверенность и силу, чтобы противостоять чудовищу, которым является мир в его целом, и не быть раздавленным им. Хотя символ, с точки зрения реальной действительности, и обманчив, однако *психологически* он — истина, ибо он всегда был мостом, ведущим ко всем величайшим достижениям человеческого духа. (12, 235)

24 Интуитивное ощущение всегда воспринимается как конкретная реальность. Это прообраз и ожидание будущего состояния, поблескивание невысказанного, только наполовину осознанного единения эго и не-эго. Справедливо названное *unio mystica*, оно является фундаментальным ощущением во всех религиях, которые сохранили в себе хоть какую-то жизнь и еще не

докатались до конфессионализма; религиях, которые сохранили тайну, о которой другие судят только по порожденным ею ритуалам, — пустым мешкам, из которых давно исчезло золото. (2, 173)

25 Конфликт между наукой и религией есть в действительности превратное понимание обеих. Научный материализм лишь гипостазировал нечто новое, а это интеллектуальный грех. Он дал высшему принципу реальности другое имя и поверил в то, что тем самым создал нечто новое и разрушил нечто старое. Но как ни называть принцип бытия — богом, материей, энергией или как-нибудь еще, — от этого ничего не возникает, а только меняется символ. Материалист — это метафизик *malgre lui* (вопреки своему желанию). (14, 94)

26 ...все религии суть терапии страданий и болезней души. (14, 210)

27 Кто боится, тот нуждается в зависимости, как ослабевший — в опоре. Поэтому уже первобытный дух, движимый глубочайшей психологической необходимостью, породил религиозные учения, воплощавшиеся в колдунах и жрецах. *Extra ecclesiam nulla salus* (вне церкви нет спасе-

ния (лат.) — истина, актуальная еще и сегодня, — для тех, которые еще способны вернуться к церкви. Для тех немногих, которые на это неспособны, остается только зависимость от человека — зависимость более смиренная или более гордая, опора более слабая или более надежная, нежели какая-нибудь другая, — так мне хочется думать. Что же сказать о протестанте? У него нет ни церкви, ни священника, у него есть только Бог — но даже Бог становится сомнительным. (19, 272)

28 Предназначение религиозных символов — придавать смысл человеческой жизни. Индейцы пуэбло верят, что они — дети Солнца-отца, и эта вера открывает в их жизни перспективу (цель), выходящую далеко за пределы их ограниченного существования. Это дает им достаточную возможность для раскрытия личности и позволяет им жить полноценной жизнью. Их положение в мире куда более удовлетворительное, чем человека нашей собственной цивилизации, который знает, что он есть (и останется) не более чем жертва несправедливости из-за отсутствия внутреннего смысла жизни. (26, 98)

29 Наша эпоха в этом смысле впадает в роковое заблуждение, полагая, будто факты религиозного опыта могут быть подвергнуты

интеллектуальной критике. Считают, как это делал, например, Лаплас, что бог есть гипотеза, подлежащая интеллектуальному освидетельствованию — подтверждению или отрицанию. При этом полностью забывают, что причина, по которой человечество верует в «даймона», не имеет ничего общего с внешним миром, но состоит просто в наивном ощущении мощного внутреннего воздействия автономных подсистем. Это воздействие нельзя уничтожить, интеллектуально критикуя его название или считая его ложным. В коллективном отношении оно постоянно налицо, и автономные системы действуют всегда, ибо шатания мимолетного сознания нисколько не затрагивают фундаментальной структуры бессознательного. (14, 191)

30 Античный мир вбирал в себя природность и целый ряд спорных вещей, на которые христианство просто *должно было* закрыть глаза, если не хотело безнадежно скомпрометировать надежность и твердость духовной точки зрения. (7, 158)

31 В истекших двух тысячелетиях христианство выполнило свою работу и соорудило преграды в виде *вытеснений*, которые загораживают нам вид на нашу собственную «грехов-

ность». Элементарные позывы и движения *libido* стали нам неизвестными, так как они протекают в бессознательном; оттого и вера, которая ведет борьбу с ними, стала пустой и плоской. Кто не соглашается с тем, что от нашей религии осталась только личина, тот пусть пойдет и посмотрит на наши современные церкви, из которых стиль и искусство давно уже исчезли. (12, 81)

32 Верно, наша религия много говорит о бессмертной душе, но это учение содержит лишь несколько слов о действительной человеческой душе, которой суждено отправиться прямо в ад, не будь особого акта божественной благодати. (4, 141)

33 Если мы примем во внимание, среди каких психологических и морально исторических условий возникло христианство в эпоху, когда страшная грубость нравов была будничным явлением, то мы поймем религиозную растроганность всей личности и ценность той религии, которая защищала людей римской культуры от явного нападения зла. Тогдашним людям было нетрудно сохранять в сознании мысль о грехе, так как они ежедневно видели перед собой его плоды. Поэтому и религиозный плод был тогда результатом работы собирательной личности. (12, 82)

34 В наше время, когда большая часть человечества уже начинает удаляться от христианства, было бы, право, не лишним ясно понять, для чего мы его вообще принимали. А приняли мы его для того, чтобы спастись наконец от грубости античного мира. И стоит нам отложить в сторону христианство, как тотчас же перед нами вновь восстает необузданность, о которой современная столичная жизнь дает нам внушительное предощущение. Шаг в ту сторону является не прогрессом, а регрессом. И произойдет то, что происходит с каждым единичным человеком, бросившим одну форму перенесения и не нашедшим еще взамен новой: такой человек неизменно обращается вспять и вступает на старый проторенный путь перенесения, себе же во вред, потому что за это время окружающая его среда успела существенно измениться. Итак, если историческая и философская шаткость христианской догматики нас оттолкнет, равно как и религиозная пустота исторического Иисуса, о личности которого мы ничего не знаем и религиозное содержание которого является частью талмудической, частью эллинистической мудростью, если мы отбросим христианство и вместе с тем христианскую мораль, то действительно очутимся перед проблемой античной необузданности. (12, 232)

35 ...Но и самое скрупулезное соблюдение заповедей не помеха какой-нибудь более утонченной мерзости, а куда более высокий принцип христианской любви к ближнему, случается, приводит к таким запутанным коллизиям долга, что частенько их неподдающийся распутыванию клубок можно лишь разрубить весьма нехристианским мечом. (7, 159)

36 Когда раскрывается мир бессознательного, наружу вырывается огромная душевная мука, и происходящее напоминает то, как если бы на разграбление полчищам варваров отдавалась цветущая цивилизация или из-за разрушения горной плотины тучная пашня оказалась предоставленной неистовству бушующего потока. Таким же катаклизмом была и мировая война, которая лучше, чем что бы то ни было, доказала, насколько тонка перегородка, отделяющая мир упорядоченных отношений от хаоса, вечно стремящегося воспользоваться любым послаблением. Но ведь так во всем: за фасадом любого разумного организованного явления скрывается изнасилованная разумом природа, в мстительном ожидании подкарауливающая момент, когда не выдержит препятствующее ей ограждение, и, смятая все на своем пути, она ринется в данный сознанию мир. С незапамятных,

самых древнейших времен человек знает об этой опасности, таящейся в его душе, поэтому обычаи религиозного, мистического характера нужны ему для того, чтобы уберечь себя от нее или устранить нанесенный его психике ущерб. Вот почему человек, выступающий от имени медицины, всегда является для другого одновременно и его священником, спасителем тела его и души, а религии — это системы, лечащие душевные недуги. Сказанное относится прежде всего к двум крупнейшим религиям человечества: христианству и буддизму. (5, 69)

37 В общем, люди все еще воображают, что в старые знакомые рамки можно втиснуть то новое, грядущее, что нетерпеливо стучится в дверь. Эти люди видят только настоящее, но не видят будущего. А между тем какой глубочайший психологический смысл в христианстве, впервые возвестившем путь к будущему как принцип спасения человечества. (11, 242)

38 Нельзя и не должно думать об объекте утверждения как о чем-то неоспоримом. Неоспоримость можно только утверждать и поэтому не может быть примирения между различными утверждениями. Так христианство, религия братской любви, являет собой достойное сожаления

зрелище одного большого и многих малых расколов, и каждая из его сект безнадежно застряла в капкане своей уникальной правоты. (2, 587)

39 Ничто так ярко не иллюстрирует крайнюю неопределенность метафизических утверждений как их разнообразие. Но было бы совершенно неверно предположить, что они полностью бессмысленны. Ибо возникает вопрос, почему эти утверждения вообще делаются. Для этого должна быть какая-то причина. Люди почему-то чувствуют потребность делать трансцендентальные заявления. Можно спорить о том, почему это так. Мы знаем только то, что истинные утверждения были не волевыми решениями, а невольными сверхъестественными ощущениями, которые посещают человека и создают основу для религиозных утверждений и убеждений. Стало быть, источником великих организованных религий, а также многих мистических движений меньшего масштаба, являются индивидуальные исторические личности, жизнь которых была отмечена сверхъестественными ощущениями. Многочисленные исследования этих ощущений убедили меня, что содержимое бессознательного в какой-то момент пробивается в сознание и подчиняет его точно так же, как это происходит во время вторжений бессознательного в патологиче-

ских случаях, доступных наблюдению психиатра. Даже Иисус, как говорится в Евангелии от Марка 3:21, явился своим поклонникам в таком свете. Однако существенная разница между обычными больными и «вдохновенными личностями» заключается в том, что последние рано или поздно найдут большое количество последователей, в результате чего их влияние будет сохраняться в течение столетий. Тот факт, что долговременное воздействие основателей великих религий точно в такой же степени объясняется их сильнейшими духовными качествами, их примерной жизнью и их нравственной самоотверженностью, никак не влияет на наши размышления. (2, 585)

40 Человек чувствует, что смерть Христа не несет ему избавления, и не может быть верующим. Да, конечно, счастлив тот, кто может верить, но нельзя склонить к вере принуждением. Грех — это что-то весьма относительное: то, что является злом для одного, другой воспринимает как добро. Почему точно так же, как Христос, не может быть прав Будда? (5, 60)

41 Подавать нищему, прощать обидчика и даже любить врага во имя Христово — все это, безусловно, высокодобродетельные поступки. То, что я делаю самому малому из

моих братьев, делается мною ради Христа. А что, если я обнаружу, что самый малый из всех людей, самый бедный из всех нищих, самый наглый из всех обидчиков и сам враг заключаются во мне, что я сам нуждаюсь в милостыне от доброты своей, что сам я и есть слишком любящий себя враг? — Это тот случай, когда, как правило, переворачивается вся истина христианства. Нет больше ни любви, ни терпения. И тогда мы говорим своему брату в нас самих: «Рака» (пустой человек). Мы неистовствуем и осуждаем себя. От других мы скрываем это, мы вообще отрицаем встречу с самым малым в себе, и пусть даже это сам Бог, который пожелал бы встретиться с нами, когда мы пребывали в таком презренном состоянии тысячекратно, мы отреклись бы от него еще до того, как пропоет петух. (5, 63)

42 Нелегко подражать жизни Христа, но несравнимо труднее прожить свою собственную жизнь так, как Христос прожил свою. (5, 65)

43 Противореча слову Христа, верующие пытаются остаться детьми, вместо того чтобы стать как дети. Они цепляются за мир детства. (14, 94)

44 Позади почти два тысячелетия христианской истории, а вместо второго пришествия и царства Христа — мировая война христианских наций, с колючей проволокой и ядовитыми газами... Какой крах на земле и на небе! (17, 296)

45 Христиане часто спрашивают, почему Бог ничего не говорит им, как — согласно вере — делал это в прежние времена. Когда я слышу подобные вопросы, то всегда вспоминаю о раввине, которого спросили, как это может быть, что Бог часто являл себя людям в давние времена, а ныне никто его не видит. Рабби ответил: «Сегодня больше не осталось никого, кто мог бы поклониться достаточно низко». (26, 115)

46 ...троном веры является не осознанное, а спонтанное религиозное ощущение, которое устанавливает непосредственную связь веры индивида с Богом. (23, 104)

47 О вере говорят, когда потеряно знание. Вера и неверие в Бога — это лишь эрзацы знания. Наивный дикарь не верит, он знает, ибо внутренний опыт для него столь же значим, как и внешний. У него еще нет никакой теологии, он еще не дал себя затуманить утонченно-глупыми

понятиями. Жизнь его с необходимостью ориентирована на внешние и внутренние факты, в которые он, в отличие от нас, погружен без обособления. Он живет в одном мире, а мы — лишь в одной его половине и потому только верим (или не верим) в другую. Мы ее прикрыли с помощью так называемого духовного развития. Иначе говоря, мы живем в сотворенном нами самими электрическом свете и — что всего комичнее — веруем или не веруем в Солнце. (3, 201)

48 Когда со всей нашей интеллектуальной ограниченностью мы называем что-либо «божественным», мы всего лишь даем ему имя, которое основывается на вере, но никак не на фактическом свидетельстве. (26, 18)

49 Вину за открытый конфликт, который в конце концов разразился между верой и знанием, следует возложить на человеческую нетерпимость и близорукость. Между несоизмеримыми вещами невозможны ни конфликт, ни соперничество. Между ними может существовать только взаимная терпимость, ибо ни одна из них не может отнять у другой ее истинности. Существующие религиозные убеждения, помимо их сверхъестественной основы, опираются и на психологические факты, существование которых

настолько же реально, как и существование фактов из области эмпирических наук. Если этого не понимает одна сторона или другая, то фактам нет до этого никакого дела, потому что они существуют вне зависимости от того, понимает их человек или нет, и любой, кто не дружит с фактами, рано или поздно будет вынужден заплатить за это. (2, 140)

50 Церковь должна оставить за собой право решать, что является воздействием Святого Духа, а что — нет, тем самым забрав из рук мирянина в высшей степени важное для того решение, принятие которого отнюдь не безоговорочно пошло бы ему на пользу. (16, 101)

51 Церковь никогда не могла доказать истинность своих образов, потому что она не признает иной точки зрения, кроме ее собственной. Она движется исключительно в рамках своих образов, а ее аргументы всегда должны быть голословны. Стадо покорных овец всегда было символом доверчивой толпы, хотя Церковь быстро узнает одевших овечью шкуру волков, которые сбивают многочисленных верующих с истинного пути, чтобы погубить их. Трагедия заключается в том, что слепая вера, которая ведет к гибели, в равной степени поощряется самой Церковью

и провозглашается высшей добродетелью. А ведь наш Господь сказал: «Итак, будьте мудры, как змии», и сама Библия подчеркивает ум и хитрость змеи. Но разве эти необходимые — если не достойные всяческих похвал — качества оценены подобающим образом? Змей стал синонимом всего нравственно отвратительного, хотя тот, кто не так умен, как змей, может попасть в большие неприятности благодаря своей слепой вере. (2, 247)

52 Церковь была бы идеальным решением проблемы для всякого, кто ищет подходящего убежища, вместилища для хаоса бессознательного, — если бы не тот факт, что любое, даже самое утонченное творение человека имеет свои несовершенства. (21, 130)

53 Фанатизм всегда является признаком подавляемого сомнения. Это можно изучать на примере истории Церкви. Во все времена, когда Церковь начинала шататься, в церковном слоге появлялся фанатизм или же просто возникали секты фанатиков, ибо тайное сомнение должно быть погашено. Когда человек действительно убежден, он совершенно спокоен и может безо всяких обид делать свою веру предметом обсуждения в качестве индивидуальной точки зрения. (24, 158)